

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ВПЕРВЫЕ
НА РУССКОМ!

КИТ
ДАФФИЛД

18+

ГОСТИНИЦА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Кит Даффилд

Гостиница

«Азбука»

2025

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

Даффилд К.

Гостиница / К. Даффилд — «Азбука», 2025 — (Звезды мирового детектива)

ISBN 978-5-389-33771-8

Что общего может быть у миллионера из Кремниевой долины, горячей бразильской красотки и пары британских молодоженов? Однажды судьба сведет их всех на краю земли, в роскошном отеле среди лесов холодной Лапландии. Уникальная гостиница приветствует своих гостей. На первый взгляд все в ней служит одной только цели — сделать отдых незабываемой сказкой. Но сказка потихоньку превращается в ад. Словно какой-то злой гений решил показать гостям темную сторону их души, вытаскивая на свет неприглядные тайны и играя на слабостях. Кит Даффилд пишет леденящие душу психологические триллеры с захватывающими и непредсказуемыми сюжетами. Впервые на русском!

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-389-33771-8

© Даффилд К., 2025
© Азбука, 2025

Содержание

Бет. Лондон, Англия	7
Флетчер. Кремниевая долина, Калифорния	11
Джорди. Рио-де-Жанейро, Бразилия	13
Бет. Лапландия, Финляндия	16
Флетчер	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Кит Даффилд Гостиница

Kit Duffield
THE HOTEL

Copyright © 2025 by Kit Duffield

This edition is published by arrangement with Johnson & Alcock Ltd. and The Van Lear Agency

All rights reserved

Перевод с английского Светланы Першиной

Оформление обложки Ильи Кучмы

© С. В. Першина, перевод, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство АЗБУКА», 2026 Издательство Азбука®

* * *

Посвящается Пит, моей подруге по приключениям

Меня зовут Хенрик Хайлендер.

Добро пожаловать в самую необычную гостиницу мира!

Мы делаем все по-другому.

Мы уникальны.

Большинство гостиниц безлики, анонимны, лишены индивидуальности, но «Кувастин» не такова.

Здесь, в чарующей лапландской глуши, мы принимаем гостей в духе двадцать первого века. Как близких людей, которых прекрасно знаем. Наше гостеприимство – штучный товар.

В гостинице «Кувастин» пейзажи, звуки и даже запахи – ваше идеальное отражение. Они сотканы из ваших лучших воспоминаний, созданы по вашему образу.

Войти в наши двери – все равно что посмотреть в зеркало.

Kuvastin (*фин., устар.*) – зеркало (от глагола *kuvastaa* – отражать).

Наверное, вы задаетесь вопросом: как у нас это получается? Кто дает нам ключ к этим воспоминаниям?

Вы.

Расскажите нам о себе.

Теперь, когда ваш номер уже забронирован, вы будете вести этот зеркальный дневник и делиться с нами самыми дорогими воспоминаниями. Рассказывать нам, что за люди, места, мечты сделали вас такими, какими вы стали.

Мы же в ответ отразим их для вас.

В этом нам помогут внимание к каждой мелочи, опыт и любовь.
Мы начнем с ДОМА.

Откуда вы? Что привлекает вас в том городке, мегаполисе или деревне, где вы обосновались? Чем зацепило вас это место?

Как оно отражает вашу индивидуальность?

Расскажите о доме, который стал для вас родным.

Бет. Лондон, Англия

Грудь у нее идеальные: не только правильного размера, но и красивой формы. Такие как раз поместятся в ладони. Увеличиваю фото, разглядывая загорелую точеную фигурку. Неужели правда бывают столь плоские животы? Как доска для серфинга!

«Облака такие разные» – гласит подпись.

Ну конечно, @sugarsmile55, на облака-то я и смотрю. По-моему, любому ясно, что они тут ни при чем.

Отхлебываю теплого чая. Дверь спальни приоткрыта. Слышно, как шумит душ. Фоном бормочет радио.

Возвращаюсь к фотографии в телефоне Джеймса. Под ней он оставил три язычка пламени. Этот коммент почему-то еще противнее, чем те, в которых были настоящие слова, – такой ленивый. При виде него мне сразу вспоминается, как Джеймс поправляет хозяйство у себя в трусах, когда мы смотрим телевизор.

Глядя на себя в зеркало, трогаю мешки под глазами. А интересно, какая @sugarsmile55 без макияжа? Это уже четвертая полуголая инфлюенсерша, которую Джеймс оценил, с тех пор как проснулся.

«Такая горячая... Богиня... Ты супер, детка!»

Вот чем он занимался, пока я за нас двоих проходила регистрацию онлайн.

Щеки горят. Сама виновата! Лезешь в мобильник мужа – готовься увидеть сиськи.

– Эй, принцесса!

Прячу телефон под одеяло. В дверном проеме, завернувшись в полотенце, стоит Джеймс.

– Не знаешь, где мой паспорт?

До вылета всего пять часов, а он только вспомнил.

– Во втором ящике, рядом с батарейками.

Муж босиком, на цыпочках, роняя на пол капли воды, подходит к комоду и тянет ящик на себя, но тот, как обычно, заедает. У нас в квартире вся мебель такая – дышит на ладан. Я сто раз писала хозяйке, но она ничего менять не хочет.

Допивая чай, смотрю в щель между ветхими шторами нашей спальни и слушаю, как монотонно ворчит внизу главная улица. Перивейл вгоняет меня в депрессию. Мы здесь лишь по одной причине: агент сказал, что есть квартира в Илинге, но, как оказалось, Илинг мы позволить себе не можем. У нас и на Перивейл едва хватает.

– Вот он! – победно машет мне паспортом Джеймс и сильными ударами ладони загоняет ящик на место. – Надо бы заставить хозяйку – пусть чинит.

Все его университетские друзья живут в Ислингтоне, Хайбери или Ноттинг-Хилле. На вечеринках советуют нам «приподняться в плане недвижки», как будто мы без них об этом ни разу не думали. А сами потом разъезжаются на такси по домам, подаренным родителями по случаю окончания универа.

– Где этот чертов телефон? – наморщив лоб, оглядывается Джеймс. – Можешь позвонить?

Шарю под собой:

– Кажется, я на нем сижу.

Достаю мобильник. Джеймс бросает на меня быстрый взгляд, от которого внутри все сжимается. Закрывает вкладку с бюстом той девицы? Ладно, все равно не заметит.

Разблокирую планшет.

«Загадочный магнат Хенрик Хайлендер открывает двери своего главного шедевра, гостиницы „Кувастин“, – читаю заголовок статьи в „Re: Style“, моем любимом журнале о культуре;

внизу шикарная фотография: дом на фоне исполинских черных деревьев, окна мерцают в сумерках. – Шведский отельер поведает нам обо всем...»

«В две тысячи двадцать третьем году Хенрику Хайлендеру пришлось нелегко. В его новой роскошной гостинице только началось бронирование номеров, когда репутацию „À Vous“, блестящей парфюмерной империи Хайлендера, пошатнул скандал, связанный с тестированием косметических продуктов и приведший к тому, что один из нечистых на руку сотрудников отправился в тюрьму за нарушение прав животных. По словам Хенрика, пережить это время ему помогла непоколебимая поддержка близких – жены Йоханны, которой скоро исполнится сорок пять, а также их взрослой дочери Инки.

– Мои девочки – все для меня, – заявляет он бархатным скандинавским баритоном, пока мы прогуливаемся по сверкающему лобби гостиницы. – Они мои путеводные звезды. Дело с тестированием на животных было весьма неприятным, и мне очень жаль, что все это творилось прямо у меня под носом. Но рядом со мной, как всегда, встали Инка и Йоханна. Мы прошли через испытания вместе. Без них меня бы здесь не было.

И это больше чем слова: как выясняется, „Кувастин“ – семейное дело. Двадцатисемилетняя Инка выполняет обязанности консьержа, а Йоханна, финская художница, является специалистом по культурным связям, поскольку родилась там, где расположена гостиница (в регионе под названием Сьонккасало, что в переводе означает „темная чаша“). Весь проект в целом представляет собой сочетание старого и нового – оваянная легендами древняя земля радушно приняла современное место отдыха, которое, как считает Хенрик, изменит наши представления о том, каким может и должна быть гостиница.

– В „Кувастине“ каждая деталь – от музыки до угощения на столе – вдохновлена вашими лучшими воспоминаниями. Это революция в гостеприимстве.

Разумеется, стопроцентно индивидуальный подход недешев. Цены на шикарные номера, которых всего пятнадцать, стартуют от восьми тысяч фунтов за ночь и резко идут вверх, но Хайлендер полон оптимизма относительно слезоточивого ценника.

– Того, что предлагаем мы, не купить больше нигде, – спокойно объясняет он. – Чем мы старше, тем хуже удерживаем в уме образы, звуки и запахи из наших воспоминаний, но „Кувастин“ возвращает людям эти драгоценные моменты в их первоначальном состоянии. Для наших гостей такой обмен – бесценная услуга.

Пропустив по рюмочке финского виски в подземном баре, мы гуляем по художественной галерее гостиницы, и Хенрик объясняет, почему он, как никто иной, достоин возглавить эту революцию.

– Работая в качестве парфюмера над первой коллекцией индивидуально подобранных ароматов, я научился слушать и понимать людей. Отражать их. Таково мое искусство. Таков мой дар.

Повернувшись ко мне, он делает паузу.

– В каком-то смысле мы знаем наших гостей лучше, чем они сами».

Под цитатой – фотография Хайлендера. Седые волосы, дизайнерская щетина. Глаза как гранит.

Хорошо помню, когда впервые услышала о его гостинице. Это было на банкете у Джоно и Офелии, в их четырехэтажном таунхаусе в Примроуз-Хилл, накануне моего девичника. Офелия, которой родители оплатили свадьбу на побережье в Амальфи – там на одно шампанское ушло тысяч тридцать, – весь вечер донимала меня вопросами о том, кто где сядет, какие будут ножи для торта и разносила я уже свадебные туфли или нет.

– Бет, где вы проведете медовый месяц? Снова домашний отпуск? Мы видели у вас в инстаграме¹ фото из... ну, из той забавной гостиницы. Она в Уэльсе, кажется? Так необычно!

Знаю я, что они обо мне думают. Бедняжка Бетти, выпускница государственной школы. Джеймс пригрел ее из жалости. Не сказать, что у его родителей много денег, – они продали дом, чтобы оплатить его обучение, – но все его друзья почему-то относятся ко мне так, будто я тяну его на дно и могла бы уж, на худой конец, быть дочкой миллионера, чтобы нам не пришлось жить над забегаловкой, где подают жареную курицу. И в тот вечер, когда они болтали о столовых приборах, шестизначных бюджетах и самых прибыльных вкладах, это было заметно, как никогда.

Я много выпила. Самой себе казалась ничтожной и жалкой, пока сидела и представляла ту убогую гостиницу в Аберистуите. Мне, кстати, нравилась тогда идея в медовый месяц отправиться с рюкзаками в поход по Малайзии. Но я боялась даже упомянуть об этом, зная, что Офелия подумает, будто нормальный отдых мы себе позволить не можем, или скажет, что мы собрались «бомжевать» по хостелам. Джеймсу было все равно – такие вещи его не заботят, – а мне орать хотелось. Пришлось идти в туалет и там поматериться на свое отражение в зеркале.

Пока мы ели десерт, разговор зашел о северном сиянии. Кто-то недавно вернулся из тура по Исландии, и Офелия завела речь о богатом парфюмере, который открыл уникальную гостиницу где-то в финской глуши. В этой гостинице каждая деталь связана с вашими воспоминаниями. И за ночь в самом дешевом номере с вас возьмут восемь тысяч, не успеете порог переступить.

Мы вернулись домой, и, пока Джеймс выхрапывал из себя виски, я несколько часов просидела на кровати, тупо листая ленту. В конце концов то ли случайно, то ли потому, что технологические компании и правда за нами следят, мне попала реклама «Кувастина», и я нажала ссылку. Просто чтобы себя помучить.

Там ко Дню святого Валентина в две тысячи двадцать пятом рекламировали выходные для влюбленных – романтический отдых в сверкающей зимней сказке, идеальный для молодоженов. Однако цену указали неверно: три ночи по две тысячи за ночь. Деньги все равно огромные, зато всего лишь четверть от обычной стоимости, да к тому же в дни повышенного спроса. Это какой-то глюк. Я одна вижу цену или другие тоже? Если закрыть окно и вернуться, скидка не исчезнет?

В какую-нибудь другую ночь, когда я не выпила бы столько пино-нуар, сколько вещь сама, и не провела бы без малого пять часов под снисходительными взглядами владельцев трастовых фондов, я, наверное, не сделала бы того, что сделала.

Я внесла депозит – половину суммы. Три тысячи фунтов.

Джеймсу не сказала, во сколько все обойдется (а он и не спросил – вот до какой степени ему наплевать). Когда мама перечислит мою долю наследства, там плюс-минус должно хватить. Предполагалось, что мы отложим бабушкины деньги на покупку дома. Но ипотеку в Лондоне нам все равно не потянуть, так что какой смысл?

Главное, оно того стоит! Потому что будут комментарии в моих соцсетях, когда друзья Джеймса поймут, где мы. Потому что мы побываем в «Кувастине» первыми. Потому что хотя бы в этот единственный раз все остальные будут завидовать нам.

И возможно, если я смогу придать нашей семейной жизни волнующий, гламурный, достойный инстаграма вид, Джею не захочется больше листать фото голых девиц перед сном.

– Я готов. – Он застегивает ремень и ослепительно улыбается. – Наш выход!

Эта знакомая кривоватая усмешка бьет мне прямо в сердце. Он ведь и правда старается иногда. Он совсем не плохой.

¹ Деятельность американской транснациональной холдинговой компании *Meta Platforms, Inc.* по реализации продуктов – социальных сетей *Facebook* и *Instagram* запрещена на территории Российской Федерации. (*Примеч. ред.*)

– Все нормально? – спрашивает Джей, убирая с моего лица прядь волос.

Киваю, и он чмокает меня в лоб:

– Такое бывает раз в жизни?

– Раз в жизни.

Мы берем чемоданы, и я напоследок оглядываю спальню: облезлые плинтусы, колонию зеленоватой плесени на потолке. Что за люди будут в гостинице? Какую жизнь они ведут? Как делают деньги?

Поймут ли с первого взгляда, что мы – самозванцы?

Флетчер. Кремниевая долина, Калифорния

Я веду рукой по прохладной серой столешнице, повторяя линии мраморных прожилок. У чаши со свежей питахайей останавливаюсь, внимательно изучаю подушечки пальцев – на них тончайший слой пыли.

– Свет!

Отзываются споты над головой. Я стою в центре просторной кухни, оглядываю мебель, полки, декор на стенах. Для тех, у кого глаз не наметан, в этом доме идеальный порядок. Все безделушки на своих местах, окна без единого пятнышка. Покой и безмолвие, как в библиотеке. Но я-то чувствую: что-то здесь не так.

Вот ты где! На маленькой полке над холодильником одна из чашечек для эспрессо выступает из ряда. Подхожу – полированный пол отзывается эхом на каждый шаг – и аккуратно поправляю чашку.

В кармане гудит телефон.

Зара (ассист.)

Машина скоро будет.

Из-под этого сообщения ко мне взывает целая партия других, но я прячу телефон в карман. Еще одна встреча – и я в самолете, а почту будет проверять Зара.

Поворачиваюсь к безупречно чистому панорамному окну и долгим взглядом смотрю на холмы, пышные кроны деревьев, здания Сан-Хосе, что коробочками теснятся на горизонте. Я много месяцев не высывал носа из Кремниевой долины, и если бы я был собственным психотерапевтом – а это во многих смыслах так и есть, – то сделал бы упор на то, что смена обстановки освежает ум. Правду сказать, Долина не слишком хорошее место для жизни, но, раз уж основал технологическую компанию, приходится терпеть.

Если подумать, я еще ни разу не выбирал себе место по душе. Все мои жилища были отражением обстоятельств: родительский дом в Бель-Эйр, школа-пансион, безликая спальня в Стэнфорде, потом череда съемных квартир в Долине. И вот наконец я построил собственный дом. Не уверен, где жил бы, если бы серьезно задался этим вопросом. Кроме Золотого штата, я ничего не знаю.

Потому-то меня и привлекла Финляндия. Далекая, морозная, за тысячи миль от Калифорнии. Эта поездка – как прыжок в холодный бассейн.

– Выключи свет.

Споты снова гаснут. Ворота открываются, во двор въезжает седан. Я в последний раз оглядываю дом, похлопываю по нагрудному карману, проверяя, там ли паспорт, и тянусь за чемоданом. На полу возле ноги лежит сухой лепесток.

Мысленно делаю пометку: Заре – уволить домработницу.

В такой бардак я возвращаться не могу.

– Мы живем в шумном и сложном мире, – говорю я приятным, уверенным голосом, обводя взглядом толпу: врачей в разноцветных медицинских костюмах, чиновников городского совета, местных журналистов.

Тут и там торчат фотоаппараты на треножниках.

– Как бы банально это ни звучало, мы – цивилизация людей, обладающих самыми развитыми средствами связи и при этом невероятно одиноких. Разрешить это противоречие становится все труднее.

День сегодня прохладный и ясный. Февральский бриз ласкает кроны высоких пальм вокруг больничной парковки. Справа от меня к двум латунным столбикам привязана натянутая

красная лента – символическая граница между почетными гостями и новеньким блестящим зданием за моей спиной. По бокам от его стеклянных дверей расположены цифровые табло, на которых крутится реклама: старик и старушка обнимают друг друга, молодая женщина с надеждой смотрит на экран ноутбука.

Внизу слоган: «Все начинается в „Смол-ток“»².

– Я изучал психологию, потому что хотел понять людей, – продолжаю, подняв правую руку.

Во время выступлений всегда слежу, чтобы левая рука лежала на кафедре, так никто не видит моего врожденного дефекта.

– Из этого настойчивого желания родился бренд, и сегодня благодаря «Смол-ток» более трех миллионов людей в мире получают онлайн-терапию на доступном языке, свободном от профессиональных терминов.

Фраза вызывает всплеск аплодисментов, но я жестом призываю к тишине.

– Мы, конечно, горды этим фактом, но сегодня речь не о нас. Речь о «Крыле индиго» – современной площадке, которая в грядущие десятилетия преобразит качество поддержки ментального здоровья в городской больнице Буэна-Виста.

Эту речь или ее версию я произносил бесчисленное множество раз. Я финансировал и открывал медицинские центры, школы, музеи и всегда был в центре внимания прессы. В прошлом году в посвященной мне статье журнал «Знак времен» объявил меня одним из самых завидных женихов Америки, и с тех пор я стал мемом. Посторонние люди ведут себя со мной так, будто мы хорошо знакомы. Будто бы по цитатам и афоризмам из моего интервью можно понять, каков я на самом деле.

– Правда в том, – говорю, наклонившись ближе к микрофону и понизив голос для задушевности, – что все мы скрываем от мира какую-то часть себя. Это болезненно как для самого человека, так и для его близких, но мы надеемся, что сотрудничество «Смол-ток» и команды «Индиго» поможет самым разным людям сбросить маски и предстать перед миром без страха.

Снова вскипают аплодисменты. Я позволяю себе улыбнуться.

– А теперь, к большому сожалению, мне придется вас покинуть, поскольку сегодня я улетаю в Финляндию. Я решил изменить многолетней привычке и взять отпуск.

Пробегают рябь вежливого смеха.

– Я оставляю вас со следующей мыслью.

Наступает выжидательная тишина. Журналисты поднимают диктофоны.

– У каждого есть секреты. Тайные страсти, годами бесплатно квартирующие в наших умах.

Я встречаюсь взглядом с молодым человеком в первом ряду; он, кажется, медбрат.

– Но если с нашей помощью люди смогут выселить незваных гостей и оставить в прошлом тайны, отравлявшие им жизнь, тогда здесь, в «Крыле индиго», мы на своем месте. И мы делаем мир лучше.

Под шум заключительных аплодисментов подхожу к ленте. Вокруг теснятся фотографы, больничный персонал, начальник моей службы безопасности. Директор подает мне огромные ножницы. Обвожу взглядом море радостных лиц: улыбки сияют, глаза широко раскрыты. У этого парня есть все, думают они. Он победил в игре.

Подношу ножницы к ленте и выдавливаю из себя улыбку. Затворы фотоаппаратов клацают, а я, разомкнув лезвия, стараюсь не замечать свой внутренний голосок, который снова задает все тот же старый, навязчивый вопрос.

Как ужаснулись бы эти люди, узнав, кто ты на самом деле, Флетчер Рен?

Я разрезаю ленту.

² «Смол-ток» (от *англ.* small talk) – легкая беседа.

Джорди. Рио-де-Жанейро, Бразилия

В белом свете кольцевой лампы я поднимаю подбородок, любуюсь своей работой. Все линии, все контуры идеальны. Нос – узенький треугольник, скулы – темные, четкие. Надуваю губы, глядя в зеркало. Думаю с довольной улыбкой: «Да я б сама себя трахнула».

А сообщения все идут. Я только что запостила первую фотку со вчерашней сессии в золотистом бикини – три полоски блестящей ткани едва прикрывают мои соски и промежность, – и волна любви захлестывает мой телефон.

ТЫ ОГОНЬ

самая горячая девочка в Бразилии

выходи за меня!!!

проверь личку

Собираюсь уже отвернуться, но тут замечаю новый коммент. Манера знакомая. Улыбаюсь краешком губ. Этот *cretino* уже не первый день меня троллит!

Башенки?! твой дом = отстой

Фотосессию в бикини мы снимали во дворе, который объединяет три крыла дома, и за спиной у меня виден ряд терракотовых башенок, торчащих над помещением, где расположен домашний кинозал. Но если этот случайный девственник думает, что я буду за них извиняться, ждать ему придется долго.

Может, @grand_theft_rogno, ты вернешься ко мне, когда поселишься в собственном особняке с семью спальнями, пейзажным бассейном-инфинити и частным кинотеатром, и все это – в двадцать два года? Вот тогда и обсудим, какой отстой мой дом.

Говнюк.

Отправляю его в бан и переворачиваю телефон экраном вниз. Сейчас нет настроения писать ответы, мальчишки подождут. Их это еще сильнее заводит.

Смотрю на свое отражение. Искусственные ресницы тяжелые, так и хочется моргнуть. Смахиваю с губы пылинку финишной пудры. «Отстой»? Да этот неудачник наверняка живет у мамочки в подвале! Наверное, прочил, пока писал коммент. Не знает, откуда я родом. Не знает, что я пережила, чтобы попасть сюда.

Закрываю глаза. Сердце колотится как бешеное, и я дышу глубже – надо успокоиться. Он – никто, пустое место. Какая разница, что он там думает о моем доме? Кого вообще волнует его мнение?

И вдруг я вижу ее – серый призрак, пойманный темнотой под веками. Маму.

Она всегда такая, когда приходит: плывет ко мне по воздуху, шевелит губами, будто хочет что-то сказать. Зажмуриваюсь. Она подлетает ближе, запрокидывает голову – и поперек шеи разевается, как рот у куклы, длинный, блестящий от крови разрез...

– Джорди!

Я снова в реальности. Сердце чуть не выскочило, руки дрожат. Роюсь в хаосе косметички. Среди палеток с тенями и пустых вейпов нахожу оранжевый пузырек и вытряхиваю россыпь таблеток на ладонь. Вот они. Крошечные, белые, так и светятся на фоне темной кожи. Закинуть еще парой-тройкой – и сразу полегчает.

«А помнишь, что было в прошлый раз, когда ты превысила дозу?»

– Джорди, он здесь! – кричат мне снаружи на португальском.

Высыпаю таблетки обратно в пузырек, подъезжаю на стуле к открытому окну. Внизу, в окружении чемоданов и сумок, стоят мои ребята, Роза и Матео. Позади них – длинный белый «хаммер».

– О, эм... поднимайтесь! Поможете мне.

В спальне они сразу наводят суету. Это все из-за водителя, – оказывается, он уже десять минут как здесь и нервничает: до аэропорта быстро не доедешь. Отмахиваюсь – подождет, это его работа. Поручаю им отнести мой багаж в машину, а сама публикую свежачок.

– Намасте, возлюбленные³.

Цифры в окошке растут – семьдесят пять, шестьсот, три тысячи, больше, – и я дышу ровнее, сердце бьется медленнее. Делаю самое соблазнительное лицо.

– Сегодня мы улетаем в Европу, в волшебную страну под названием... Лапландия.

По-фински я не говорю, долгие перелеты и холод ненавижу, но в инстаграме эта роскошная гостиница сейчас жутко популярна, и мне нужно там засветиться. Сначала они набивали себе цену. Когда мое агентство закинуло удочку на тему сотрудничества брендов, нам ответили, что «„Кувастин“ в настоящее время не ищет связей с публичными фигурами вроде мисс Сантьяго», но потом внезапно передумали. Я получила персональное приглашение, с оплатой всех расходов, на пятидневный отдых в честь Дня влюбленных, с пометкой «плюс один». Как будто мне надо привезти с собой кого-то типа «мужа».

Мы сказали, что будет «плюс два», и они не стали бодаться.

Так я очистила расписание Матти и Розы, бахнула десять штук на дизайнерские меховые шмотки и позаботилась о том, чтобы все, кто хоть что-то собой представляет, знали: я вот-вот заеду в самую горячую гостиницу планеты.

– Да-да, мы сейчас на неделю улетаем в «Кувастин», и первый перелет длится, не знаю, пятнадцать часов, реально, так что я на какое-то время пропаду. А вы там смотрите не остывайте!

Боковое окошко заполняют комменты.

у меня уже встал
надо мужика, чтобы грел тебя в лаплнди
проверь личку

– Когда приедем в гостиницу, сделаю одно объявление – бомбическое, – но придется подождать, ок? Мне пора, лимузин ждет. Люблю вас, мальчики.

Посылаю воздушный поцелуй и останавливаю запись, тянусь к выключателю на лампе. Замираю, увидев в зеркале свое отражение. Вспоминается Ви́ла-Сомбра – фавела, где я выросла: крысы, мусор, вонь тухлой рыбы. Пристально, не моргая, смотрю на себя.

«Джордана, мать твою! Ты красавица! Уж постарайся, чтобы все об этом помнили!»

«Архитектура, – сказал немецкий мыслитель Иоганн Вольфганг фон Гёте, – это застывшая музыка».

И когда вы увидите нашу гостиницу, мы думаем, вы с этим согласитесь.

Однако музыка не только в наших зданиях. Она повсюду.

В ритме городов и потоках приливов. Это стук каблуков по тротуару и гул фабричных механизмов.

Музыка – это машина времени, переносящая нас в другие эпохи, далекие края. Она ключ, который откроет те части нашей жизни, которые иначе были бы потеряны в хаосе старения.

Музыка – это память, мелодия памяти.

И потому теперь в зеркальном дневнике мы обратимся к МУЗЫКЕ.

³ *Намасте (санскр.)* – индийское и непальское приветствие, которое можно перевести как «поклон тебе».

Какие песни, звуки, симфонии у вас в душе?
Кто из композиторов написал музыку к вашей жизни?

Расскажите о вашей любимой музыке.

Бет. Лапландия, Финляндия

Мы выходим из аэропорта. Воздух морозный, колючий, и я застегиваю до самого подборка заедающую молнию маминой старой лыжной куртки.

Джеймс оглядывает небольшую парковку:

– И где здесь каршеринг? Наверное, мимо прошли?

– Я не арендовала машину.

– Что? – хмурится он. – Да мы же у черта на рогах!

Перелет из Хельсинки длился почти два часа – два часа над просторами густых безлюдных лесов и заснеженных равнин. Это было словно путешествие в Нарнию.

– Мы не... такой услуги здесь нет.

– Что-то не пойму.

– Сюрприз! – Я сжимаю руку Джеймса в перчатке и бросаю взгляд через его плечо. – Помоги найти семнадцатое место.

Он смотрит на меня с подозрением, но потом тоже начинает искать. Автомобиль мы замечаем одновременно: под табличкой с номером семнадцать стоит он – сверкающий темно-синий «ягуар».

Джеймс отпускает мою руку, восклицая:

– Я сяду за руль «ягуара»?! – И устремляется на парковку, жужжа колесиками чемодана.

Схватив свой, спешу следом.

– Вообще-то, за руль не сядет никто.

Джей меня не слышит. Он уже воркует над машиной.

– А где ключи? – спрашивает нетерпеливо, положив руку на лобовое стекло.

Осматриваю левую центральную стойку, вспоминая инструкции в приветственном письме: вниз, по центру, большой палец правой руки. Стягиваю зубами перчатку и нажимаю на сенсор. Приятный мягкий щелчок – и двери разблокированы. Словно миниатюрные крылышки, поднимаются зеркала.

– Да ну на фиг! – Джеймс открывает водительскую дверь и заглядывает в машину. – Быть не может, что я поведу «ягуар». С ума сойти!

– Говорю же, за руль садиться не надо. – Тяну его за капюшон и показываю на задние сиденья. – У нас медовый месяц, а на носу Валентинов день. Мы не на дорогу должны смотреть, а в глаза друг другу.

У Джеймса отвисает челюсть. На крыше авто – футуристического вида приспособа, и он понял, что это камера.

– Этот зверь с автопилотом?

Улыбаюсь до ушей:

– Ну, теперь-то ты хочешь меня, Джеймс Рафферти?

– Я хочу эту малышку.

Джеймс проводит ладонью по сверкающему покрытию, а я в шутку бью его по плечу. Он притягивает меня к себе.

Утыкаюсь носом ему в шею, вдыхаю знакомый древесный сладковатый аромат. Как хорошо, что мы наконец приехали! Вчера был неплохой день – мы провели время в Хельсинки, ходили по магазинам, гуляли в парках, – но медовый месяц по-настоящему начинается именно здесь.

Нам очень понравится, я уверена.

Другие машины нам еще ни разу не встретились. Мы скользим сквозь финскую глушь. Впереди стелется широкая чистая дорога, а слева и справа, точно башни, возвышаются сосны и

ели. Чуть слышно шепчет электроника, заснеженный лес безмолвен. Здесь, вдали от шумного, загазованного Лондона, просто нереальная тишина и небо кажется бесконечным.

Рулевое колесо крутится само по себе, будто им управляют невидимые руки. Место, где находится «Кувастин», держат в строгом секрете – на гугл-картах его нет, а геотеги в соцсетях запрещены, – и мы не знаем точно, куда направляемся. Мы отданы на милость нашего робота-шофера, безликого дроида, выполняющего программу.

– Просто сказка, – с благоговением шепчет Джеймс, когда в просветах между деревьями на секунду взмывают горные вершины и мелькает большое застывшее озеро цвета отполированного кварца.

Я веду пальцем вниз по стеклу:

– Красота, правда?

– В повороты входит идеально!

Вскидываю голову и возмущенно смотрю на него. Джеймс в ответ улыбается, как школьник. Иногда он очень напоминает моего отца.

– Наверняка тут можно поймать «Скай спортс». – Подавшись вперед, он стучит пальцем по экрану между спинками передних сидений.

Я морщу нос. Непонятно, он меня дразнит или в самом деле хочет посмотреть бильярд?

Ну точно как папа.

Провожу рукой по кожаной обивке цвета сливок – на ощупь она мягкая, теплая. Наверное, стоило предвидеть, что Джеймс влюбится в «ягуар», а не в пейзажи. И винить его нельзя – автомобиль производит впечатление. После того как мы сложили багаж и сели, нужно было только нажать «Старт» на сенсорном экране – и мы отправились в наш тайный пункт назначения. Машина заботится обо всем. Время от времени она даже говорит смутно обольстительным женским голосом: сообщает, сколько времени осталось до конца поездки, или спрашивает, комфортна ли температура в салоне.

Когда мы выехали с парковки аэропорта, на экране автоматически запустился видеоролик. Похоже, его начало было привязано к нашим координатам (а это значит, не без удивления отмечаю я, что персоналу гостиницы точно известно, где мы находимся). Я думала, покажут стандартную рекламу «Кувастина», но это оказалось персональное приветствие от самого Хенрика Хайлендера.

– Бет и Джеймс, добро пожаловать в потрясающую, волшебную Лапландию! – начал он, сидя с бокалом бренди у рояля в роскошном баре. – Сейчас от главной улицы Перивейла вас отделяет много миль. Лондон знаменит своей зимней погодой, однако ничего подобного вы еще не видели, поэтому я предлагаю вам устроиться поудобнее и расслабиться. Наслаждайтесь поездкой. Мы с нетерпением ждем вашего прибытия.

Маленький аэропорт давно остался позади, кругом густые леса – и тут в колонках начинает играть песня. Мы хорошо ее знаем. Мелодия фортепьяно, похожая на перезвон колокольчиков, то поднимается, то летит вниз, вплетаясь в торжественное звучание струн и потусторонние голоса. Это «Норрípolla» исландской рок-группы «Сигур роус».

Чувства переполняют меня. Много лет назад мы услышали эту песню в передаче о живой природе на Би-би-си, и я в нее влюбилась. По пятницам вечером Джеймс часто приносит парочку говяжьих стейков и жарит их, а я усаживаюсь на кухонную стойку, включаю музыку и рассказываю, как прошел день. «Норрípolla» всегда звучит первой. Мы и не заметили, как она стала нашей песней.

Когда Джеймс делал мне предложение, он включил ее на телефоне. Пару часов спустя я опубликовала в инстаграме пост о нашей помолвке – и саундтреком выбрала ее. Было это без малого полтора года назад.

В «Кувастине» свое дело знают.

Мне кажется, будто я снова стою в нашей тесной маленькой гостиной и смотрю сверху вниз на Джеймса. Ткань его брюк морщится под коленом. Каминная полка наспех украшена гирляндой из крошечных лампочек. Он в тот вечер так стеснялся, так мило протянул мне кольцо одной рукой, прижав другую к бедру, чтобы нога не дрожала. Он сказал, что в жизни никого не любил – только меня.

Песня играет, сквозь мечтательный перезвон все громче звучат ударные, и я стараюсь поверить, будто совсем не важно то, что я увидела в телефоне Джеймса на другой день. Всем парням нравится смотреть на обнаженных женщин. Это нормально и в любом случае не имеет никакого значения, потому что наше путешествие будет незабываемым. После «Кувастина» все изменится.

Я вспоминаю пятничные вечера: шкварчание жира, смех, запах стейков. Джей в такт музыке виляет задом и помахивает лопаткой. Мое сердце наполнено до краев.

– Ну надо же, они включили ее! – смеется Джеймс, откинувшись на спинку сиденья; искать спортивные каналы он перестал. – Какое странное совпадение!

Мой взгляд заволакивает дымка, и я смахиваю слезы:

– Это не совпадение, глупыш...

Джеймс хмурится:

– ...Говорила же: это все делает гостиница. Они берут за основу наши воспоминания.

Складка между его бровями становится глубже.

– Но как? Откуда они узнали?

– Я заполнила анкету. Для Хенрика она зеркальный дневник, но ведь я из Шеффилда, а мы там называем вещи своими именами.

– Что конкретно ты им рассказала?

– Точно уже не помню. Всякое о нас: как мы живем, наши соцсети, любимая музыка.

Щеки Джеймса розовеют.

– Ты что... дала такую информацию случайным людям?

– Они не случайные. – Беру его за руку. – Ты послушай, что у них получилось. Это же наша песня!

Он кашляет, прочищая горло.

– Да, конечно... однако... – Нервно пожимает плечами, и его рука выскользывает из моей. – Не хочу, чтобы незнакомцы шерстили мой инстаграм.

Отводит глаза. Впервые вижу его таким виноватым.

– По-моему, ты драматизируешь, – говорю я, скрестив руки на груди.

– Драматизирую? У них твои отпечатки, принцесса!

– Они все удаляют после отъезда гостей.

Вспоминаю длинное примечание в конце договора. Либо с «Кувестином» кто-то уже судился, либо гостиница принимает все меры, чтобы этого не произошло.

– И вообще, сейчас две тысячи двадцать пятый. Неизвестные люди заходят к тебе на страницу постоянно. Именно так и устроена любая социальная сеть.

Джеймс умолкает и по-прежнему не смотрит мне в глаза. Отворачиваюсь, кусаю ноготь. За окном проносится темный лес. Не могу отделаться от мысли: а вдруг он прав? Я так увлеклась идеей гостиницы, что даже не подумала о том, что кто-то может использовать мои личные данные.

В конце концов, секреты есть у всех. Джеймс – не единственный.

Флетчер

«Ягуар» плавно сворачивает с шоссе на извилистую проселочную дорогу; под зимними шинами хрустит замерзшая земля. Проверяю, есть ли тут связь, – на экране телефона трепещет одна-единственная полоска. Указателями «Кувастин» не отмечен – их тут вообще немного, – и меня не покидает мысль, что в аэропорту я сел в машину с автопилотом, не имея ни малейшего представления о том, куда она поедет.

Этот автомобиль может увезти меня куда угодно.

Дорога вьется среди полей, огибая дряхлые амбары и сгнившие сараи, которые, судя по их виду, заброшены уже много десятилетий.

Впереди простирается лесная чаща. Деревья, укутанные снегом, похожи на армию призраков. Под снежными шапками они кажутся совершенно черными. Между ними пролегает дорога, узкая и неутрамбованная. Вряд ли она ведет в «Кувастин».

Однако машина движется дальше. Мы въезжаем в лес и совсем чуть-чуть сбрасываем скорость. Деревья теснятся вдоль обочины, тянут к нам длинные ветви. Как-то так получается, что здесь одновременно и сумрачно, и светло. Взглянув на часы, понимаю, что близится закат. Медно-золотое солнце подмигивает из-за стволов, точно далекий маяк, постепенно скрываясь от глаз.

Я зеваю. Весь вчерашний день я провел в Хельсинки, нарочно не спал, чтобы привыкнуть к смене часовых поясов, а сегодня меня одолевает усталость, голова как ватная. Кажется, будто все это сон. Зимний сон, в котором меня окружает сонмище призраков, их покрытые корой пальцы вцепляются в кожу...

Вздрагиваю, очнувшись.

Чувствую взгляд – за мной наблюдают. За окном, в путанице узловатых ветвей, мелькают рога.

– Стоп! – команду автопилоту хриплым после долгого молчания голосом.

Верчусь на сиденье, чтобы не упустить животное из виду. Поездка только началась, и я не ожидал встретить его так рано.

– Это запрещено, – отвечает машина знойным голосом. – Приятного путешествия, мистер Рен.

Какая досада! Мне хотелось получше рассмотреть северного оленя. По крайней мере, я предполагаю, что это он и был. Говорят, их в Лапландии больше, чем людей, и на сайте «Кувастина» восхваляют местные стада. А этот, похоже, одиночка. Передвигается неуверенно и совсем не грациозно; на одном из отростков рога видно ржавое пятно засохшей крови. Наверное, он ранен или умирает, а сородичи его изгнали.

Мне любопытно. Тянусь к панели управления, опускаю стекло, и в салон льется морозный воздух.

Олень застыл, слился с чащей. Вот и все. Но тут сквозь поскрипывание зимних шин до меня доносится странный звук: гортанный рев, нечто среднее между мычанием коровы и визгом испуганного кота. Прищурившись, растерянно всматриваюсь в заросли. Влажный от слюны рык пульсирует, и в сердце мне закрадывается нехорошее предчувствие.

Я закрываю окно, а машина плавно катится дальше.

Через несколько минут мы выезжаем из леса на окруженную зарослями парковку, и «ягуар» останавливается. Пару секунд я медлю, собираясь с мыслями. Надо бы сегодня лечь пораньше. Массирую усталые глаза; тряхнув головой, прогоняю воспоминания об олене, открываю дверь и выхожу на холод.

– Ого! – восклицает позади женский голос. – Вау! Божечки!

За моим авто припарковался точно такой же синий «ягуар», оттуда вышли две девушки и парень. Все – в кричаще роскошных меховых шапках и новеньких куртках на гусином пуху от «Канада Гус». Все загорелые, бодрые, у всех, включая парня, безупречный макияж. Здесь, в снегах, они выглядят странно, будто их только что выхватили с пляжа в Майами и запихнули в дизайнерские горнолыжные костюмы.

– Ну разве не чудо? – с акцентом говорит одна из девушек, восхищенно тараща глаза.

До меня доходит, что обращалась она ко мне, и, проследив за ее пальцем, на склоне ближайшего холма, в широкой прогалине между деревьями, я впервые вижу «Кувастин».

Мои брови тоже взлетают вверх. Я достаточно пожил в дорогих отелях, и роскошью меня не удивить, но это место потрясает воображение.

На фоне леса, под сумрачным небом, среди обрамленных камнями водоемов и струящихся водопадов, расположились изысканные здания с крышами в форме стрельчатых готических арок. В центре высится четырехэтажный охотничий дом со стеклянным фасадом, сложенный из чернильно-черных бревен. Вокруг него разбросаны домики поменьше, соединенные крытыми галереями. Между ними бегут ручьи. За огромными тонированными окнами виднеется внутреннее убранство: минималистичные чаши открытых каминов, роскошные меховые ковры, уютные островки оранжевого света.

Обхожу автомобиль и прижимаю палец к сенсору на багажнике. Пока открывается крышка, снова смотрю на гостиницу, которая на неделю станет моим домом. «Кувастин» – с острыми гребнями крыш, пылающими ямами каминов и вытянутыми во все стороны галереями – словно явился из мрачной сказки. Он похож на огромного паука, сидящего на снегу.

В моем зеркальном дневнике Хайлендер написал, что архитектура – это застывшая музыка, и он был прав. Его гостиница гармонична. Но если бы ее превратили в музыку, она была бы яростной и тревожной, как финал Шестой симфонии Малера. Неистовство скрипок схлестнулось бы в ней с грозным рокотом барабанов.

– В жизни не видела ничего подобного, – добавляет девушка.

Вежливо улыбаюсь в ответ и вытаскиваю из багажника чемодан.

– Да. Весьма впечатляет.

Она подсказывает ко мне, протягивая руку в перчатке:

– Я Розалина. Роза. Из Бразилии.

Совсем еще молодая – лет двадцати, не больше; кудрявый сгусток неумерной энергии. Интересно, кто за нее платит?

– Флетчер, – пожимаю руку девушки. – Рад знакомству.

– Джорди Сантьяго, – громко объявляет вторая, будто ее кто-то спрашивал.

Она подкатывает к нашей маленькой компании свой золотистый, как шампанское, чемодан и чуть опускает бесполезные солнцезащитные очки. Судя по одежде, богачка тут именно она, однако бренды, которые она выбрала – «Шанель», «Гуччи», – и кремь во взгляде подсказывают, что деньги достались ей не по наследству.

В кармане жужжит телефон.

– Прошу меня извинить. Приятно было познакомиться.

Звонит моя ассистентка. Уходя, слышу, как мисс Сантьяго спрашивает друзей, что это за чопорный сноб.

– Зара, что-то случилось?

Короткая пауза.

– Вам звонит Пол.

– Ладно, соединяй.

На линии становится тихо. Надо мной на провисшей ветке хлопает крыльями ворон и смотрит на меня осуждающе.

– Здравствуй, мистер Рен. Это Пол.

– Чем могу помочь?

Телефон плюется в ухо городским шумом. Пол, должно быть, где-то на улице, но слышно его плохо, связь то и дело прерывается. Единственная полосочка сигнала на моем экране держится из последних сил.

– Вы, ну... вы не заметили ничего странного, с тех пор как прилетели в Финляндию?

Морщу лоб. Мою службу безопасности Пол возглавляет уже почти десять лет, но мы с ним еще ни разу не говорили по телефону.

– Ты мне звонишь – вот что странно.

– Точно, – невесело усмехается он. – Нет, тут другое... – Кашляет. – Боюсь, кто-то хочет разнюхать о вас побольше. В смысле, о ваших личных делах.

Снова вспоминаю зеркальный дневник Хайлендера: псевдофилософские вопросы о жизни, вкусах, прошлом опыте. На мой взгляд, это было немного слишком, но я все-таки решил подыграть.

– Это сотрудники гостиницы, Пол. Собирают основную информацию, чтобы создать индивидуальную программу. Ничего такого.

– Ясно, – вздыхает он. – Но мне кажется, это что-то другое, сэр.

Ворон все еще изучает меня, щуря похожие на бусины глаза. Пристально смотрю на него в ответ.

– Продолжай.

– Есть тут один частный детектив по имени Гевин Райт. Он не из Великобритании. Говорят, был как-то связан с парфюмерной компанией, которую привлекли за тесты на животных пару лет назад. А компания эта принадлежит хозяину «Кувастина».

– Да, я читал. Дело неприятное.

Конечно, прежде чем ехать сюда, я изучил биографию владельца. Скандал с тестированием косметики вполне мог потопить это место, тем более что он совпал с началом предварительных продаж, однако Хайлендер, по-видимому, выдержал шторм.

В трубке ревет мотоцикл, и Пол повышает голос:

– Так или иначе... у него сейчас проблемы. У Райта. Алкоголизм, тяжелый развод. Я-то думал, он выбыл из игры, но мне доложили, что он сунул нос в дела «Кувастина»...

Невольно оборачиваюсь к гостинице, меря взглядом ее прочный фундамент и черные стены. Она властвует над округой, будто простояла тут уже сотню лет.

– ...учитывая биографию Райта, это все как-то связано с Хайлендером.

– Что ты имеешь в виду? – потираю в раздумье затылок.

– Просто держите ухо востро и...

Его голос тонет в автомобильном гудке. Пол набирает в грудь воздуха.

– У вас не возникало чувства, будто за вами следят?

– Только местная живность, – отвечаю я, думая о пернатом шпионе, сидящем над моей головой, и об олене с окровавленным рогом.

Я пытаюсь шутить, однако мне снова становится не по себе, и настроение портится.

– Если заметите слежку, звоните.

Беззвучно вздыхаю в ответ. Пол всего лишь исполняет свой долг, но ведь я не пробыл здесь и трех минут. Вот тебе и отдых, освежающий разум.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.